

Бекташев К.Дж.

**КЫРГЫЗСТАНДА ЖЕРГИЛИКТҮҮ ӨЗ АЛДЫНЧА
БАШКАРУУ СИСТЕМАСЫН ТҮЗҮҮ ЖАНА КЫРГЫЗ ЭТНОСУНУН
МАДАНИЙ-ЦИВИЛИЗАЦИЯЛЫК ӨЗГӨЧӨЛҮГҮ**

Бекташев К.Дж.

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В КЫРГЫЗСТАНЕ И КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ
СПЕЦИФИКА КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА**

K. Bektashev

**FORMATION OF THE SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN KYRGYZSTAN AND CULTURAL AND CIVILIZATIONAL
SPECIFICS OF THE KYRGYZ ETHNIC GROUP**

УДК: 352.075:351.85(575.2) (04)

СССР кулагандан кийин кыска тарыхый мөөнөттө эгемендүү Кыргызстанда бардык негизги демократиялык институттар жана аларга тиешелүү укуктук база, анын ичинде жергиликтүү башкаруу системасы менен байланышкан институттар түзүлгөн, бирок бул күтүлгөн натыйжаларды алып келген жок жана бул институттардын андан ары өнүгүшүнүн жана алардын натыйжалуу иштешинин кепилдигин алган жок. Нерселердин чыныгы абалы иштин формалдык тарабы менен белгилүү бир карама-каршылыкта келип жатат жана болуп жатат, бул мыйзам ченемдүү гана эмес, эгер нерселердин учурдагы абалын гана эмес, өз тарыхынын басымдуу бөлүгүн мамлекеттен тышкары жашаган жана көптөгөн уруулар жана уруулар түрүндө жашаган кыргыз элинин тарыхын, маданиятын жана менталитетин да эске алсак, сөзсүз болот. Макалада кыргыз элинин акыл-эс жана маданий-цивилизациялык өзгөчөлүктөрү менен шартталган Кыргызстанда жергиликтүү өз алдынча башкаруу системасын түзүүнүн айрым татаалдыктары жана өзгөчөлүктөрү каралат.

Негизги сөздөр: жергиликтүү өз алдынча башкаруу, цивилизациялык мамиле, кыргыз этносу, маданият, цивилизация, менталитет, салттуу жамаат.

После распада СССР в кратчайшие исторические сроки в суверенном Кыргызстане были созданы все основные демократические институты и соответствующая им правовая база, в том числе связанные с системой местного управления, что, однако, не принесло ожидаемых результатов и не гарантировало успешность дальнейшего развития этих институтов и эффективное их функционирование. Реальное положение вещей пришло и продолжает находиться в определенном противоречии с формальной стороной дела, что не только закономерно, но и неизбежно, если учитывать не только текущее положение вещей, но и историю, культуру и менталитет кыргызского народа, который подавляющую часть своей истории жил вне государства и существовал в виде множества родов и племен. В статье рассматриваются некоторые сложности и специфика создания системы местного самоуправления в Кыргызстане, обусловленные ментальными и культурно-цивилизационными особенностями кыргызского народа.

Ключевые слова: местное самоуправление, цивилизационный подход, кыргызский этнос, культура, цивилизация, менталитет, традиционная община.

After the collapse of the USSR, in the shortest historical time, all the main democratic institutions and the corresponding legal framework were created in sovereign Kyrgyzstan, including those

related to the local government system, which, however, did not bring the expected results and did not guarantee the success of the further development of these institutions and their effective functioning. The real state of things has come and continues to be in a certain contradiction with the formal side of the matter, which is not only natural, but also inevitable, if we take into account not only the current state of things, but also the history, culture and mentality of the Kyrgyz people, who for the vast majority of their history lived outside the state and existed in the form of many clans and tribes. The article discusses some of the difficulties and specifics of creating a system of local self-government in Kyrgyzstan, due to the mental and cultural and civilizational characteristics of the Kyrgyz people.

Key words: local self-government, civilizational approach, Kyrgyz ethnicity, culture, civilization, mentality, traditional community.

Любое общественно-политическое явление, в том числе, конечно, местное самоуправление (далее – МСУ), можно и следует объяснять, учитывая в первую очередь историко-культурную и ментальную специфику народа, в нашем случае – кыргызского. Во-первых, реальное содержание практически любого общественно-политического феномена, тем более такой достаточно сложный, противоречивый и многоплановый, как МСУ, определяется в конечном счете накопленными в процессе исторического развития конкретного народа представлениями о действительности, стереотипами поведения и ценностной системой, которые передаются из поколения в поколения в рамках определенной культуры. Во-вторых, такие формы власти, как государственная власть и власть органов местного самоуправления, их функции, как основополагающие политические явления в государстве, необходимо рассматривать и оценивать, как органическую часть культуры. В-третьих, различие культур, а тем более существенное их различие, с одной стороны, объясняет, как правило, неизбежно возникающие расхождения, несходство в результатах воплощения в жизнь одних и тех идей, и принципов, а с другой – позволяет понять, по каким причинам многие политические феномены не привились либо, напротив, привились на новой культурной почве. В-четвертых, Кыргызстан внедряет и пытается развить у себя

систему местного самоуправления, которая по отношению к исконной кыргызской традиционной культуре является, по сути, инородным и в определенном смысле чуждым культурным образцом, являющимся целиком порождением Западноевропейской цивилизации. Уместно привести мысль А. Тойнби о том, что культурный элемент «представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации; в сравнении с ним экономический и тем более политический планы кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизации» [1, с. 279].

Мы вполне разделяем мнение Б.М. Торогельдиева, что политическая культура «будучи одновременно и производной от общенациональной культуры, и неотъемлемой ее частью, самым непосредственным образом влияет на политическую систему, ее институты, характер их деятельности. Именно она обеспечивает смысл, форму и предсказуемость политического процесса. Любой политический институт вырастает, прежде всего, под влиянием политической культуры с присущими ей системами ценностей, мотиваций, установок, а также стереотипами отношений и поведения» [2, с. 3]. Очевидно, что политическая культура оказывает решающее влияние и на формирование в Кыргызстане такого сложного и важного политического института, как местное самоуправление.

Несмотря на то, что народ в современном Кыргызстане в этническом отношении неоднороден, тем не менее, кыргызы, в соответствии с последней переписью составляющие более 73% от населения страны, в целом определяют, как характер, особенности, так и темп общественных трансформаций и реформ, осуществляемых в республике [3].

Нерешенность множества экономических проблем, реальный низкий уровень жизни населения, несомненно, является в настоящее время и в ближайшей исторической перспективе основной проблемой, которая весьма негативным образом сказывается на всех институтах общества, в том числе, конечно, на местном самоуправлении, социально-политическое значение которого и реальное положение в общей политической структуре страны находится в прямой связи с его хозяйственными возможностями, потенциалом. Однако указанные значение и положение определяются не только экономическим, но культурным и ментальными факторами, которые проявляются, в частности, в приверженности населения определенным поведенческим стереотипам, привычкам, образу жизни, ценностям, политическим и иным традициям, которые складывались веками, передавались из поколения в поколение и от которых нельзя избавиться в кратчайшие исторические сроки.

Суверенный Кыргызстан, начав реформы, по

сути, приступил к процессу модернизации, направленного на создание индустриального (а в настоящее время – информационного или постиндустриального) общества на рыночных, как сейчас принято говорить, началах, что для наших конкретных условий означало попытку осуществить переход от традиционного к современному обществу. Как указывает известный американский социолог и специалист области модернизации Ш. Эйзенштадт: «В ходе модернизации происходит переход к современному обществу (modern society). Коренное его отличие от традиционного – ориентация на инновации и такие черты, как преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; формирование демократии; выделенная персональность, преимущественная ориентация на инструментальные ценности; демократическая система власти; наличие отложенного спроса, т.е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; приобретенный статус; активный деятельный психологический склад...; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным и др.» [4, с. 107].

Легко заметить, что вышеуказанные черты находятся в противоречии не только с традиционными институтами и ценностями, но и с достаточно большим количеством современных институтов и ценностей кыргызского народа. Очевидно, что и в настоящее время кыргызы в подавляющем своем большинстве предпочитают традиции инновациям, социальная жизнь большинства кыргызов, особенно живущих в сельской местности, не носит светский характер, основная масса кыргызов продолжает ориентироваться на традиционные, а не инструментальные ценности; демократическая система власти, как и демократические институты, в Кыргызстане, если под последней понимать ее современные и наиболее развитые формы, все еще находятся на фазе становления. Что же касается отложенного спроса, т.е. способности осуществлять свою деятельность ради будущего, то подавляющее большинство населения Кыргызстана по объективным причинам вынуждено решать текущие проблемы, не имея реальной возможности обеспечить себе «светлое будущее». Экономика современного Кыргызстана носит аграрный характер, добывающая же промышленность, очень важная для хозяйственной системы страны, практически полностью работает на импортном оборудовании, и поэтому не приходится говорить об ее индустриальном характере. Образование в Кыргызской Республике носит массовый характер, однако качество его оставляет желать лучшего. Все то же самое, по сути, можно сказать о

приобретенном статусе, об активном психологическом складе, о предпочтении в обществе точных, т.е. естественных наук мировоззренческому, т.е. гуманитарному знанию. И, наконец, что касается доминирования универсального над локальным, то именно в силу того обстоятельства, что в нынешнем кыргызском обществе традиционные формы жизни и ценности продолжают играть важную роль, локальное в жизни как конкретных индивидов, так и общества в целом, которое в ощутимой мере представлено и в настоящее время отдельными кровнородственными сегментами, преобладает над универсальным, т.е. всеобщим. Данное обстоятельство существенным образом влияет на все институты власти, в том числе представленные на местном уровне, как бы составляя внутреннее содержание как этих институтов, так и самой власти.

Стабильное и относительно благополучное существование кочевого общества, которое образовывали кыргызские роды и племена, во многом зависело от умения его членов предупреждать или устранять центробежные силы и тенденции, которые неизбежно присутствовали в нем по причине рассредоточенного, децентрализованного расселения практически полностью автономных в хозяйственном отношении родов и племен, экономическая самостоятельность которых неизменно вела к политической децентрализации кочевых сообществ и к неуважению власти, если ее носителями были представители других родов и племен, когда, говоря словами российского государственного деятеля XIX века, историка и этнографа А.И. Лёвшина, «всякий ищет сам повелевать» [5, с. 363]. В таких условиях, длившихся веками, характер взаимодействия родов и племен в значительной мере зависел от социального и властного статуса каждого из генеалогических подразделений и степенью их общественного признания, которым они реально располагали. Самосознание индивида, его самоидентичность ориентировалась в первую очередь не на этническую, а родовую его принадлежность, в пользу чего говорит, в частности, свидетельство российского политического деятеля XIX века Н.И. Гродекова, который писал, что «распрос о роде являлся чем-то вроде удостоверения личности» [6, с. 27]. По сути, основным чувством, которое испытывали члены того или иного рода друг к другу и которое лежало в основе их восприятия социальной реальности, существенным образом влияло на формирование их представлений и отношения к этой реальности, было чувство единокровия, родства, из которого, собственно, произрастали не только все обычаи и традиции, но и фактически вся система ценностей.

Придерживаясь кочевого образа жизни, кыргызские роды периодически объединялись в племена, а иногда входили в межплеменные союзы, как прави-

ло, с целью совместной борьбы с внешними угрозами, и как только эти угрозы исчезали, союзы также рассыпались. То есть в обычной, повседневной, мирной жизни кыргызские роды, располагая всем необходимым для своего существования, не нуждались, по сути, друг в друге. Располагая полной хозяйственной автономией, они сохраняли таким образом и свою политическую автономию, которая, как и все в жизни кыргызов, была пронизана кровнородственной системой связей.

Рассредоточенность на огромных пространствах кыргызских родов позволяла кыргызам выжить как отдельный, самостоятельный и самобытный этнос. Привычка действовать самостоятельно, по собственному волеизъявлению, исходя всегда из интересов собственного рода, настолько укоренилась в менталитете кыргызов, что не могла вызвать ни недовольства, ни протеста даже у вождей кыргызских племенных союзов, которые фактически обладали меньшей властью над отдельными родами, чем родоправители.

В настоящее время данный факт многими отечественными исследователями оценивается не только положительным образом, но и как своего рода предтеча и основа, во всяком случае в культурном и ментальном отношении, современного народовластия, демократии, которая выступает в качестве фундамента, на котором зиждется система самоуправления. Вот что, к примеру, пишет на этот счет специалист по муниципальному праву О.М. Кокмазов: «... мы не утверждаем, что древние кыргызы жили по демократическим правилам в современном смысле этого слова. Но несомненным остается тот факт, что многие реальные демократические принципы... лежали в основе реального бытия кыргызов с древних времен. ... будучи политической формой бытия народа, демократия в основе своей имеет не политические идеалы и цели, не систему права и даже не политическую практику... а преобладающий психологический тип, то есть менталитет народа, который или предрасположен к демократии, или нет» [7, с. 42].

Мы разделяем данную точку зрения, но лишь отчасти, а именно то положение, что демократические формы, безусловно, связаны определенным образом с менталитетом. Однако в реальности все обстоит не так просто и однозначно. Поясним, что, собственно, мы имеем в виду.

Если мы обратимся к истории кыргызской государственности, то она будет являть собой яркий пример того, как центробежные тенденции в государствах, образуемых кыргызами, разваливали эти государства во многом благодаря тому, что кыргызские роды и племена ментально не принимали государственное устройство, не терпя над собой власть представителей других родов и племен. Как справедливо отмечает известный советский археолог и специалист

по Центральной Азии В.М. Массон «политическое формирование, вырастающее из союза племен, едва ли было особо устойчивым» [8, с. 109]. Даже в XIX веке, когда кыргызские территории были включены в состав Российской империи, как пишет доктор философских наук Б. Аманалиев: «Социальные отношения кыргызского общества... в составе, которого насчитывалось около сорока племен, представляли собой чрезвычайно сложное явление» [9, с. 3]. Таким образом, родоплеменная организация кыргызского этноса всегда была той центробежной силой.

Традиционная кыргызская община на деле представляла собой реально самостоятельную военно-политическую и административную единицу, располагавшую всем необходимым для того, чтобы достаточно эффективно вести хозяйственную деятельность, однако далеко не всегда столь же эффективно осуществлять собственную защиту, что приводило к тому, что кыргызские роды периодически объединялись в племенные союзы либо входили в уже образованные. Но, как только внешние угрозы исчезали, как правило, выходили из этих союзов. Таким образом, привычка к самостоятельной жизни, предполагавшая самоуправляемость родов и племен, имела и свои негативные последствия, в частности, проявлявшиеся в том, что кыргызы длительное историческое время были не в состоянии объединиться в один единый политический этнос, народ, обладающий общей территорией и административной системой, т.е. государством.

Государства, которые периодически образовывали кыргызы в течение своей длительной истории, характеризовались, как и практически все кочевые государства, внутренней слабостью и относительной недолговечностью. С другой стороны, нельзя не признать того факта, что кыргызам удалось выжить и сохранить себя как самобытный этнос, обладающий специфическим внутренним миром, в бурных волнах истории во многом благодаря самостоятельности каж-

дого отдельного рода или племени, стабильность существования которых обеспечивалась, с одной стороны, строгим соблюдением членом родов и племен обычаев и традиций, общественным мнением и т.д., а с другой – имеющимся в наличие у каждого рода аппаратом управления, образовывавшимся главами родов, советы старейшин и т.д., на которых возлагалось выполнение политической, административной, хозяйственной и судебной функций. Помимо них существовали дружинники, в частности, «кырк джигиты», исполнявшие либо принуждавшие к исполнению решений, принятых вышестоящими уполномоченными лицами.

Литература:

1. Тойнби А. Постигание истории [Текст] / А.Тойнби. - М.: Айрис-Пресс, 2006. - 482 с.
2. Торогельдиева Б.М. Модернизация политической культуры в Кыргызской Республике [Текст] / Б.М. Торогельдиева. – Бишкек: Алтын-Тамга, 2013. - 311 с.
3. Киргизия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Киргизия#Население>. - Загл. с экрана.
4. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций [Текст] / Ш. Эйзенштадт. - М.: Аспект Пресс, 1999. - 416 с.
5. Лёвшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей [Текст] / А.И. Лёвшин. - Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
6. Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт [Текст] / Н.И. Гродеков. - Ташкент: Типо литограф. С.И. Лахтина, 1889. - Т. 1. - 205 с.
7. Кормазов О.М. Правовые проблемы становления местного самоуправления [Текст]: дисс. ... к.ю.н.: 12.00.01 / О. М. Кормазов. - Бишкек, 2001. - 150 с.
8. Массон В.М. Политогенез степных обществ и кочевые империи [Текст] / В.М. Массон / Проблемы политогенеза кыргызской государственности. - Бишкек, 2003. - С. 101-115.
9. Аманалиев Б. Общественная психология и религиозные предрассудки [Текст] / Б. Аманалиев. - Фрунзе: Илим, 1970. - 260 с.
10. Жылдыз кызы М. Государство и местное самоуправление: природа и эволюционные отношения. Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2020. №. 9. С. 64-67.